

Нина Леонидовна Волхонская с праправнуком.

Поставьте памятник деревне...

В 1941 году на фронт из деревень было мобилизовано 80 процентов мужского населения. Отцов и братьев на полях заменили женщины и подростки. Ярославне Нине Леонидовне Волхонской 93 года, но свою юность, пришедшуюся на трудное военное время, она помнит, словно это было вчера

Счастливая жизнь

Деревни Починки на реке Утьма в Борисоглебском районе, где родилась Нина Леонидовна, уже давно нет, все поросло бурьяном и мелколесьем. А места там были изумительной красоты. Даже названия красивые: Олений ручей, Орлов перелесок, Красный луг, Кошкина горка... И слова из песни «лучше нету того цветку, когда яблони цветут», по мнению Волхонской, не совсем справедливы. Поэт просто не видел поле льна в цвету. А когда еще ветерок пробежит по нему — настоящее море голубое!

Но такая деревня — только в памяти, она оттуда, еще из «довойны». Как и крепкая крестьянская семья — отец, мать, бабушка Евдокия, сама Нина, братишка Саша и сестренка Лида.

— Каждую субботу — баня, она стояла во дворе. Родители нас намывают, нам очень жарко, ждешь, скоро ли конец. И вот тебя напоследок окачивают с головой, и ты глотаешь эту воду, словно самый лучший напиток. Нас с братом несут в избу, где шумит самовар. Мы с бабушкой накрываем стол для ужина. В избе приятный запах от намытого пола с ошпаренным можжевельником. Счастливая жизнь, — вспоминает Нина Леонидовна.

Школьники от колхозной работы не отлынивали. Они поливали капусту, пропальвали лен, чтобы не зарастал сурепкой, а председатель за это пускал их «в горох», когда тот поспеет, и вот здесь уже не работа, а одно удовольствие. И по дому у всех свои обязанности — сено ворошили, огород поливали, в лес за грибами-ягодами ходили.

— Придешь из школы в сентябре, и скорей за грибами. В сумерках немного жутко, рядом ухаек какая-то птица. Ты торопишься набрать корзинку. Вечером за чаем расскажешь бабушке, она похвалит, назовет кормилицей, и ты довольная, гордая, — продолжает рассказывать Нина Волхонская.

Колхоз «Красный Починок» всегда был в передовых, люди

там дружные были, работающие. В сельсовете висел стенд соревнований, там отмечались не баллы, а какой колхоз на каком транспорте в счастливое будущее едет. Так вот «Красный Починок» всегда вперед на самолете летел.

У каждого своя война

22 июня в Починках по обычаю праздновали престольный праздник святого Кирилла Белозерского. Время для колхозников удобное — картошка посажена, а сенокос еще не начали. И 22 июня 41-го встречать гостей приготовились заранее: обед, пироги, закуски — все на столе. Вдруг к дому подскочил верховой. Война. Отец Нины, а был он секретарем партийной организации, на велосипеде сразу уехал в сельсовет. Праздник закончился не начавшись.

На фронт были мобилизованы почти все мужчины из Починков. Ушел на фронт и отец Нины, отказавшись от брони. Он погиб 26 декабря 1941 года у деревни Давыдово под Тулой. Лишь спустя много лет после войны дочь найдет место его гибели.

А тогда, в 41-м, Нина и ее одноклассники, 14 — 15-летние ребята, в один день стали взрослыми. Уже в декабре их отправили на строительство противотанковых окопов здесь же, в Борисоглебском районе. Морозы в ту зиму стояли страшнейшие, земля промерзла, ее разбивали металлическими клиньями. Девочки старались встать в пару к мальчикам. Пусть у пацанов в 15 лет силы тоже не слишком много, но девочкам совсем туго приходилось.

Все военные годы подростки работали наравне со взрослыми — и пахали, и косили, и молотили.

— Бригадиром у нас была многодетная мать, такая умница. Ее звали Елена Ивановна. Мы приходим с работы, поедим, спать хочется, сил нет. Вдруг слышим, играет гармошка. Это бригадир велела мальчику, такому же, как и мы, играть за «пустой» трудодень. Глядишь, у нас

сон и уходит, скирдуем потом и до 12 ночи, и до часу. А утром опять в поле, — рассказывает Нина Волхонская.

Сдавали все госпоставки — картошку на терочный завод, зерно на элеватор. Ребят посылали по двое, надо было продукцию на весы сложить, взвесить, а потом высыпать. По сходам на такую высоту мешок и вдвоем-то только волоком затащить можно было.

А зимой подростки работали на лесозаготовках. 15-летнюю Нину послали как-то на вывозку дров.

— Я и лошадь-то запрягать не умела. А мне надо было на ней в лес съездить, дрова на телегу сложить и на станцию отвезти. Нагрузишь дров, а от леса до станции топкое место, и чтобы воз не завалился, приходилось впереди лошади идти, под уздцы ее вести. Дорога была ельником устлана. Так и ведешь лошадь, чтобы она в сторону не шагнула, — вспоминает Нина Леонидовна. — Один раз я споткнулась, прямо перед лошадью упала. Спасибо ей, она встала как вкопанная, не задавила меня. Но шрам от елового сучка на руке у меня на всю жизнь остался, — вспоминает Нина Леонидовна.

Вот так деревня, вернее, те, кто в ней остался, победу приближали. А что сами ели? К муке, помнит Нина Волхонская, подмешивали и траву, и мороженую картошку. Картофельное поле, выкопанное осенью, вес-

ной снова перекапывали. Эту картошку называли лява. Даже частушку пели: «Выхожу и запеваю около околицы: хлеба нету, ляву съели накануне Троицы».

Юрка из блокадного города

Одну встречу «с ужасами войны» Нина Леонидовна до сих пор не может вспоминать без слез. В Починки привезли семью из блокадного Ленинграда — мать и сына. Отец в Ленинграде остался, еще один сын в дороге умер. В общем, добрались двое — Анна Алексеевна и Юрка.

— На них даже смотреть было страшно, ходячие скелеты. У Юры, мы с ним с одного года, одни глазищи на лице. Вселили их в дом по соседству с нами. А было Рождество. Тут хоть из ничего надо стол накрыть. Мама заварной хлеб испекла, щи серые сварила. Анну Алексеевну с Юрой позвали. Они такие голодные, Юра на щи набросился. Как с ним потом было плохо, еле-еле парня с того света вытащили. А мы же и не знали, что им есть так помногу нельзя, — рассказывает Нина Волхонская.

Прижились ленинградцы в Починках. Юрка в школе учился, Анна Алексеевна, как все, работала. А еще она шила так, как никто в деревне не умел, до войны в ленинградском театре в костюмерном цехе работала, из мужской рубашки могла деревенским девочкам блузку сшить на загляденье. Ленинградцы приехали без документов, и Анна Алексеевна сразу в сельсовет пошла, метрики выправлять. Ей там и предложили сына, который 31 декабря 1926 года родился, записать на 1927-й, пусть, мол, помладше будет. Отказалась женщина, нельзя, сказала, обманывать государство. И когда парню исполнилось восемнадцать, пришла повест-

ка. Не успели Юру проводить на фронт, следом похоронка. В первом же бою погиб.

— Что тут с Анной Алексеевной сделалось, мы боялись, она рассудка лишится. Как безумная по деревне ходила. Помню, мы с девочками собрались песни попеть, молодые ведь совсем были. А она услышала. Пришла к моей маме: как же Ниночка так может, ведь Юры больше нет. Я долго потом просила прощения, мол, не пела я, тетя Аня, не пела, — вспоминает Нина Леонидовна со слезами.

После войны Анна Алексеевна вернулась в Ленинград, она и Ниночку с собой звала, но мама уже болела, оставить ее было никак нельзя.

Чтобы жила память

Победу в Починках всей деревней отмечали. И песни пели, и плакали тут же — не во все дома отцы вернулись, двое Нининых одноклассников с войны не пришли.

Ранней весной 46-го, когда шел сплав леса, девушку попросили поработать поварихой, сплавщиков надо было кормить.

— Двоюродный брат меня упросил кухаркой поработать, ему от области поручение дали путину организовать. Так вот впереди идет лес, сплавщики его гонят, а я сади на плоту. У меня две походные кухни, ларь с продуктами, два круга спасательных. Сплавщика с багром ко мне приставили. Так и готовила. Только на ночь к берегу приставали, — рассказывает Нина Леонидовна. — А сплавщики были кто после тюрьмы, кто после оккупации. Непростой народ, говорили, до меня чуть повариху не утопили. Да и я два раза ныряла. Один раз просто плот качнуло, а второй раз затор случился. Слава Богу, жива осталась.

Путину ту провели без нареканий, и Нина премию получила. В райцентре ей со склада первые в ее жизни туфельки выдали на каблучке, и на два платья, себе и сестренке, ситца она взяла.

...О себе Нина Леонидовна рассказывает не слишком охотно, словно стесняется. Но ей хочется, чтобы жила вечно память и о Юрке из блокадного Ленинграда, и о тех 14 — 15-летних подростках, которые в полях и на элеваторах заменили ушедших на фронт отцов. «Не приведи Господь кому войну такую пережить», — вздыхает Нина Волхонская.

Елена БУЕВА

Фото из семейного архива

ИЗ ИСТОРИИ

В первый, самый тяжелый этап войны колхозы и совхозы Ярославской области в основном успешно справились с сельскохозяйственными работами и в большинстве своем выполнили обязательства перед государством. Посевные площади увеличились. Урожайность зерновых, бобовых и особенно картофеля по сравнению с довоенным уровнем существенно снизилась, и все-таки она была значительно выше, чем в среднем по РСФСР. Но главный итог 1942 года состоял в том, что впервые с 1936 года область выполнила план хлебозаготовок. Успешно завершили сельскохозяйственный год ярославские животноводы: количество скота в колхозах по сравнению с 1941 годом возросло, при этом среднегодовой удой на одну корову увеличился. Колхозы сверх плана сдали государству 1744 тонны мяса. По результатам Всесоюзного соревнования Ярославская область заняла третье место и знамя Наркомзема СССР и ВЦСПС за подъем животноводства.